

КНЯЗЬ ИВАН МОСКОВСКИЙ - ВЕРНОПОДДАННЫЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СИМЕОНА БЕКБУЛАТОВИЧА ВСЕЯ РУСИ

После отмены опричнины царь Иван прожил еще почти 12 лет. Нам предстоит остановиться на этом, последнем периоде его жизни. Таких массовых казней, какими был отмечен страшный 1570 год сначала в Новгороде, а потом и в Москве, уже больше не было. Но кротким государем Иван IV не стал. Людей, кончивших в те годы жизнь на плахе, хватило бы для того, чтобы любой другой монарх прослыл жестоким тираном. Как и раньше, в казнях присутствовала садистская изощренность. Так, царь любил тешиться тем, что осужденного зашивали в медвежью шкуру (это называлось *"обшить медведно"*) и затравливали насмерть собаками. Несколько вызвавших государев гнев монахов было как-то приказано привязать к бочкам с порохом, которые взорвали: дескать, раз вы ангелы, то и летите себе на небо. Это было не единственным проявлением царского юмора в убийстве. Так, один из дворян по фамилии Овцын был повешен рядом с овцой. Царь, должно быть, очень веселился, глядя на двух повешенных однофамильцев. Да и приближенные, вероятно, обязаны были смеяться шутке государя.

К 1575 году относится один из самых загадочных эпизодов времени Ивана Грозного. Осенью этого года в Успенском соборе Кремля был торжественно коронован великим князем всея Руси крещеный татарский хан Симеон (до крещения его звали Саин-Булатом) Бекбулатович. А Иван Грозный стал именоваться князем Иваном Васильевичем Московским. По словам Пискаревского летописца, он *"ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех... А как приедет к великому князю Семиону, и сядет далеко, как и бояря, а Семион князь велики сядет в царском месте"*.

Сохранилась одна челобитная князя И. В. Московского Симеону Бекбулатовичу. Она написана так, как положено писать подданному: *"Государю великому князю Семиону Бекбулатовичю всея Руси Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом, челом бьют"*. На самом деле в форме униженной челобитной здесь изложена инструкция Симеону. Иванец Васильев просит государя, чтобы он ему *"милость показал, ослободил людишок перебрать... иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси пожаловал ослободил принять"*, разрешил тех, *"которые нам не надобны... прочь отсылати"*. Кроме того, князь Московский хотел, чтобы государь *"тех наших людишок, которые учнут от нас отходить, пожаловал не принимал"*. Дальше Иван Васильев с сыновьями задавали "государю" наивный вопрос, как им держать *"своих мелких людишок"*: *"по дьячишков запискам и по жалованьишку нашему"*, то есть как служилых людей удельного князя, или брать на них документы как на холопов? *"И о всем тебе, государю, челом бьем. Государь, смилуйся, пожалуй!"* - завершал свою челобитную грозный царь.

В этом политическом маскараде была одна удивительная деталь. На первый взгляд Россия была разделена на две части: на великое княжение Симеона Бекбулатовича и на "удел" князя Ивана Московского. Но в одной части страны словно не существовало ни великого князя Симеона, ни князя Ивана Московского. Здесь все по-прежнему делалось именем *"царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси"*. Это были в основном земли с татарским и другим нерусским населением, входившие раньше в Казанское ханство. Царь Иван, видимо, опасался, чтобы имя татарина на великокняжеском престоле не вызвало здесь волнений, не сделало бы марионетку Симеона чем-то большим, чем марионетка.

В чем же причины этого странного эпизода? Конечно, внешне многое напоминает опричнину. Страна вновь разделена на две (или даже на три) части. Вступление на престол Симеона сопровождали, как и учреждение опричнины, казни: затравили собаками, *"обшив медведно"*, новгородского архиепископа Леонида, казнили десятка полтора недавних крупных опричников, в том числе князя Бориса Давыдовича Тулупова, бывшего перед этим одним из ближайших советников царя Ивана, его фаворитом.

Кстати, вотчины Тулупова получил молодой придворный Борис Федорович Годунов. Он только начинал свой путь наверх, хотя для восхождения было сделано уже немало: недавний опричник, зять покойного Малюты Скуратова (а память этого палача царь Иван почитал), он только что породнился с самим государем: весной того же 1575 года сестра Бориса Ирина вышла замуж за царского сына царевича Федора Ивановича. Вероятно, Годунов приложил руку и к устранению своего могучего соперника - князя Тулупова: ведь вотчины опальных обычно получали доносчики. Недаром уже после смерти Грозного Годунов отдал эти несправедливо полученные вотчины в монастырь по душе казненного князя. Кто знает, с богом или с собственной совестью хотел тем самым примириться этот талантливый и беззащитный политик?

Все же вокняжение Симеона Бекбулатовича не открыло собой волну массового террора. Да и близость с опричниной была во многом внешней. Многие из бывших опричников остались в Симеоновой "земщине", а в "государеве уделе" оказалось немало бывших земских. Так же переменились роли территорий: "удел" князя Московского состоял в основном из бывших земских уездов, а многие уезды, входившие в опричнину, стали частью княжества Симеона Бекбулатовича.

О причинах этой странной комедии с переодеванием в недоумении гадали современники, спорят и историки. Высказывалось предположение, что царь ставил перед собой внешнеполитическую задачу. В это время в Речи Посполитой был период "бескоролья".

За несколько лет до того королем был избран французский принц Генрих, герцог Анжуйский. Но во Франции освободился королевский престол, на который Генрих имел права. Молодой король сделал выбор между Варшавой и Парижем в пользу Парижа и бежал из страны. Во Франции вступил на престол Генрих III, а Польша осталась без короля.

Предстояли новые выборы. Среди кандидатур были и Иван Грозный, и его сын царевич Иван. Не для того ли, чтобы облегчить свое избрание, царь отказался от трона? Ведь тогда на сейме должны были бы избрать не иноземного монарха, что угрожает независимости страны, а простого князя.

Однако логичность этой гипотезы лишь кажущаяся. Во-первых, кандидатуры русских царя и царевича уже обсуждались на предшествующих королевских выборах - в 1572 году. Тогда царь не считал свой титул препятствием к избранию. Во-вторых же, в дипломатической переписке во избежание опасных для престижа царя кривотолков никакой великий князь Симеон не упоминался, все дипломатические сношения, как и прежде, осуществлялись от имени государя царя и великого князя Ивана Васильевича. Следовательно, вокняжение Симеона не могло оказать никакого влияния на исход выборов.

Есть и другая гипотеза. Она основана на рассказе английского дипломата сэра Джильса Флетчера, который, впрочем, побывал в России почти полтора десятка лет спустя после эпизода с Симеоном и воспользовался отчасти рассказом другого англичанина - Джерома Горсея. Царь Иван взвалил будто бы на Симеона непопулярные финансовые мероприятия: отмену привилегий монастырям по уплате налогов и выколачивание старых недоимок. Вернувшись же через год на царский трон, Иван Грозный милостиво возвратил эти привилегии, но лишь частично. Однако и это предположение не подтверждается при сопоставлении с дошедшими до нас документами: никакой отмены привилегий церкви, никаких особых "правежей" в это время не было.

Автор Пискаревского летописца передает противоречивые слухи, ходившие в то время среди русских людей. Одни утверждали, что царь испугался предсказания волхвов, напороочивших на этот год *"московскому царю смерть"*. Другие же полагали, будто царь *"искушал люди: что молва будет в людех про то"*.

Разумеется, это не более чем слухи. Второй из них показывает, как представляли себе современники личность и нрав царя Ивана. Он, по их мнению, был готов даже на такую крупномасштабную провокацию, как отказ от трона, чтобы услышать "молву" о себе, выявить своих противников.

Больше доверия, чисто психологически, заслуживает первая версия. Ведь в колдунов и предсказателей тогда верили безоговорочно. Дела о

"ведунах", которых держали у себя для гаданий, - весьма распространены. Так, при Федоре Ивановиче родственников последней жены царя Ивана - Нагих обвиняли в том, что они специально *"добывали"* ведунов, чтобы узнать, *"сколь долговечен"* царь Федор. Если царь действительно испугался предсказания, то я даже готов признать за ним некоторую толику своеобразного гуманизма: отказавшись сам от титула московского царя, он не подставил под удар судьбы-злодейки и Симеона - тот был всего лишь великим князем, а не царем, да к тому же не московским, а *"только"* всея Руси. Так что в этом году просто не было *"московского царя"*.

И все же не забудем, что даже автор Пискаревского летописца не утверждает истинности этого слуха, а пишет лишь, что так *"говорили нецыи"*. Сам царь Иван одному иностранному дипломату объяснял, что пошел на этот шаг *"по причине подлости подданных"*. Один из сравнительно поздних летописцев утверждает, что Грозный стал подозревать царевича Ивана в *"желании царства"* и в лице Симеона *"восхоте поставити ему препону"*. Но эти строки писал человек, который уже знал, что впоследствии царевич пал жертвой необузданного гнева своего отца. В поисках причины гибели Ивана Ивановича он мог обратиться и к событиям 1575 года.

Короче, не думаю, чтобы сегодня наша наука располагала достаточным материалом, чтобы ответить на вопрос, почему и зачем царь Иван на год отказывался от престола. Во всяком случае, осенью 1576 года все вернулось на прежние места, а Симеон Бекбулатович остался великим князем, только уже не всея Руси, а тверским. С находившихся в его уделе Твери и Торжка он фактически лишь получал доходы да держал у себя положенных по титулу придворных.

Самостоятельного значения ни сам Симеон, ни его княжество не имели. В России же еще почти восемь лет продолжалось царствование Ивана Грозного.